

«УТВЕРЖДАЮ»

Проректор по научной работе

ФГБОУ ВО Санкт-Петербургского

государственного университета

С.В. Аплонов

«30» ноября 2017 г.

Отзыв

ведущей организации – Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Санкт-Петербургского государственного университета на диссертацию Пузанова Даниила Викторовича «Природные явления в сакральной картине мира народов Восточной Европы IX-XIII вв. (По материалам письменных источников)», представленную в диссертационный совет по защите кандидатских и докторских диссертаций Д.999.171.03 при ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 — этнография, этнология и антропология.

Проблематика, вынесенная в название диссертации – «Природные явления в сакральной картине мира народов Восточной Европы IX-XIII вв.» – находится на стыке, по крайней мере, трех «специальностей», из списка тех, что необходимо указывать для процедуры защиты: истории, религиеведения и этнографии. Автор выбрал специальность «Этнография, этнология и антропология», и это имеет свое обоснование в содержании представленного сочинения. Анализируемые в ней проблемы тесно увязаны, во-первых, с этногенетическими процессами, происходившими на изучаемой территории, во-вторых, с этнокультурной спецификой народов Восточной Европы того времени, в-третьих, с развитием сакральной сферы – монотеистических религий, имевших языческую подоснову. Всё вместе это относится к понятию «традиционная культура», а это компетенция этнографической науки.

Актуальность данной диссертации определена автором в двояком смысле – научном (важность реконструкции процессов формирования духовной культуры) и общественном (ренессанс неотрадиционализма), что, безусловно, отвечает современным тенденциям.

Диссидент достаточно чётко определяет время и территорию исследования: регион, где доминирующей политической структурой было Древнерусское государство и период функционирования этого политического феномена. Этот выбор логично обосновывается тем, что для данного хронотопа было характерно господство авраамических религий, которые во многом и определяли сакральное понимание природных явлений. Сложение этого региона, как части «авраамической цивилизации», происходит в IX в., а в XIII в. происходят политические изменения, которые трансформируют конфессиональную ситуацию и, соответственно, сакральные представления. Кроме того, письменные источники этого периода дают достаточный объем материала, чтобы судить о характере этих представлений.

Проблематика места сакрального в представлениях о природном окружении человека давно уже стала областью внимания науки, в том числе, и в данном территориально-хронологическом аспекте. Но дотоле предшественниками автора анализировались локальные проявления этого феномена, между тем как в диссертации в целостном виде и на столь широком фоне это сделано впервые, так что новизна исследования не подлежит сомнению, что совершенно справедливо, высказано автором.

Автору, естественно, необходимо было определиться и с двумя базовыми понятиями темы: «картина мира» и «природные явления». Понятию «картина мира» посвящено два пассажа диссертации. Один, в несколько абзацев, помещен во «Введении» в подразделе об объекте исследования. Второй, весьма объемный – около десятка страниц, представляет собой один из разделов «Приложения» с названием «"Картина мира". Значение понятия».

Преимущественно представлению автора диссертации об объекте его исследования посвящен раздел «Классификация природных явлений». Сначала следует текст, в котором фигурируют конкретные природные явления экстраординарного характера: «нашествия саранчи и гусеницы, а также осушения

виноградников», «явления, вызывавшие голод и неурожай, засуха, нашествия насекомых...., пожары и сильный мороз...., пожары могли вызываться молнией» и многое другое. Прослеживается деление на знамения, приметы и чудеса, в частности, с уточнением: «... необходимо разделять чудеса и знамения. Чудо - это любое проявление сверхъестественных сил» (с.134). Ближе концу раздела собственно классификация представлена, по содержанию рационального характера: «можно выделить космологические, оптические, метеорологические, биологические, географические, сейсмические знамения».

Хорошо написан историографический обзор, в нем особо отметим заслугу автора в возвращении в сферу научных интересов забытой работы исследователя конца XIX в. Н.Сенаторского. Объем литературы, которая была проработана огромна: список источников, научных работ и электронных ресурсов первого тома насчитывает 531 название, 249 пунктов названий фигурирует во втором томе. В основном, это именно историографический обзор, в котором показана связь и с общим состоянием научного знания того или иного этапа в изучении данной проблематики, и с общеисторической ситуацией, которая определяла потребность именно в этих исследованиях, что, например, объяснено во фразе: «Происходит активное становление национальных республик, которые нуждались в собственном прошлом». Автора отличает дотошный подход к трудам предшественников, хотя, справедливости ради, надо сказать, что в ряде случаев он сбивается на аннотированную библиографию. Как положительный момент надо также отметить обращение автора к соответствующей естественнонаучной литературе по природным явлениям, в частности, монографии С.В. Зверевой «В мире солнечного света», публикации результатов финских исследователей особенностей северных сияний.

Согласно требованиям ВАК в диссертации должен присутствовать источникovedческий раздел. Источниковый аппарат тоже весьма велик, что отмечено выше. В нем, кроме заявленных в подзаголовке письменных исторических материалов, фигурирует значительное число публикаций этнографического и фольклорного характера, а также иллюстративные материалы. Некоторые сомнения вызывает заявленная автором классификация исторических источников, принадлежащая С.О. Шмидту: словесные (с делением на письменные

памятники и фольклор), изобразительные и поведенческие. Использование источников в диссертации с обоими видами их критики (внешней и внутренней) положительная сторона диссертационной работы.

Еще один обязательный раздел во вводной части диссертации – характеристика исследовательского инструментария автора. В анализируемой диссертации она представлена в разделе «Методология исследования». Автор пишет: «В методологическом основании работы лежат общие принципы, называемые иногда в зарубежной социальной антропологии и современной отечественной социологии этнографическим (этнологическим) методом». Совершенно справедливо его замечания, что из общенациональных методов наиболее часто применялся сравнительный. Это действительно так. Следует признать, что строгое следование сравнительно-историческому методу является несомненным достоинством работы.

Основной текст диссертации состоит из трех глав, каждая из которых содержит от трех до пяти разделов. Структурное деление, в целом, соответствует логике проводимого исследования заявленной темы диссертации, однако содержание некоторых глав, при интересности их выводов, к основной проблематике имеют весьма косвенное отношение, а то и не имеют его вовсе. Отметим ряд проблем, к которым обратился автор диссертации, и сделанным им выводам.

Первая глава называется «Природные явления в онтологиях народов средневековой Восточной Европы». В ней логично обосновывается формирование в средневековом восточноевропейском регионе единой сакральной картины мира монотеистического толка, которое встречало при этом активное сопротивление местных языческих политеистических верований. Как справедливо отмечено автором, для них не было характерно наличия общеславянского, общефинно-угорского или общетюркского пантеона богов. В результате этого замещения образовавшаяся религиозная система имела в значительной степени синкретический характер. Внимания заслуживает обращение автора к проблеме соотношения в религиях авраамического толка представлений о влиянии на природные явления, с одной стороны, верховного божества, а с другой, остальных высших сил. Он делает вывод, что в монотеистических религиях управление

силами природы, в первую очередь, отдавалось верховному божеству, а что касается веры в способность менее могущественных существ влиять на природные процессы, то в IX-XIII вв. в Метаавиализации не было единого представления по этому поводу.

Наряду с этим для культур Метаавиализации было характерно и, как определяется названием одного из разделов, влияние людей на природные циклы. Из содержания раздела видно, что речь все-таки идет о природных явлениях и о специалистах в области сакрального (жрецы, колдуны и проч.). Вывод этот убедительно доказывается приведенными материалами. Укажем на еще одно интересное наблюдение автора. По источникам IX-XIII вв. выявляется такая особенность, как представление о том, что «человек другой культуры мог... восприниматься как носитель более эффективной магии», в том числе, и в сфере воздействия на природные явления. Это можно сравнить с предпочтением в русской деревне приглашения пастуха иноэтничной принадлежности, как обладающего большим «знанием» и, соответственно, «силой» для выполнения своих профессиональных обязанностей.

В частности, об «охоте на ведьм» говорится много, приведены интересные материалы этого явления. И вывод раздела тесно увязан с тематикой исследования: в Восточной Европе раннего средневековья встречались следующие формы расправ над людьми, заподозренными во вредоносной магии: разрубание, сожжение и повешение.

В конце каждой из глав следуют выводы из ее содержания. Они отделены от основного содержания. Сами же выводы вполне логичны, в сконцентрированном виде они представлены следующим образом: «Если в язычестве природными явлениями управляло множество напрямую не связанных иерархией мистических существ, то при монотеизме возникает жесткая иерархия, в которой каждый ее член способен действовать только по воле Абсолюта. При этом сфера действия злых духов и колдунов сильно ограничивается»

Глава вторая имеет название «Явления небесной сферы (космологические и оптические)». Представления о них, содержащиеся в письменных источниках IX-XIII вв., анализируются на фоне широких этнографических и фольклорных материалов - славянских, финно-угорских и др., благодаря чему был сделан вывод,

что «многие конструкты восприятия небесных явлений выходили за рамки одной культуры еще до распространения авраамизма». Особенno хорош второй раздел главы, он невелик по объему, но ярок по конкретному материалу и значим по выводам.

Источниковые изыскания автора позволили ему установить исторический фон заявленных в названии главы сакральных представлений: их происхождение, трансформации, локальные варианты, перемещение из одной традиции в другую, наконец, их мифологическую подоснову. В качестве частного момента оспорим его трактовку сакрального объяснения свечения верхних слоев атмосферы, как небесную битву потусторонних сил, причинами сугубо психологического характера: «Различные световые эффекты на небе способны «рисовать» причудливые узоры. Издавна человеческая фантазия усматривала в подобной «игре света» образы, близкие к тем, что люди встречают в своей повседневной жизни».

Автор проанализировал соотношение языческого и христианского понимания небесных знамений в Древней Руси, интересна его реконструкция первоначальных представлений о метеорите, как огненном змее, с приведением параллелей русских традиционных представлений об этом демоническом персонаже и др., часть этого материала отнесена в «Приложение». Отметим еще одно положение этой главы: «... завершенный образ исследуемого демона мог возникнуть при смешении представлений о добром боже грозы и его основном противнике».

Для главы третьей «Эколо-стихийные явления» отметим ряд наиболее важных ее положений. Это проблема соотношения книжного и народного в сакральном осмыслиении явлений природы. Автор после ее анализа имеет возможность определить, какое из них изложено в том или ином письменном источнике – народное: «В летописи передается народная трактовка события» или официально-религиозное: «Летописец действительно считает "уродство" ребенка недобрый знаком, равно, как и все три знамения 1064 г. Но объясняет свою точку зрения книжник, используя не народные представления, а византийскую письменную традицию. К необычным явлениям 1064 г. он ищет аналоги, цитируя Хронику Георгия Амартола (Елинский летописец)». Им был также сделан важный

вывод о том, что народные/фольклорные представления могли входить в противоречия с официальной религиозной доктриной, как это было в случае с канонизацией Артемия Веркольского.

При этом автором подмечена практика рационального осмысления природных явлений, даже если они имели негативный для людей характер: «В основном засуха все же интересует древнерусского летописца с прагматической точки зрения». Однако, как явление, угрожающее не только благополучию, но и самой жизни человеческого рода (по крайней мере, в пределах коллектива), засуха почти всегда актуализировала сакральное в сознании и соответственно обрядовую практику: «Житие Авраамия Смоленского дает детальное описание того, что происходило во время длительной засухи. Необычный крестный ход с участием высшего духовенства и всех горожан вплоть до малых детей, по мнению книжника, должен был действовать, если бы не особая Божья воля».

Как и в предшествующих главах, к фигурирующим в исторических источниках материалам привлекаются обильные этнографические параллели: представление о связи камней с водой, о рождении уродцев, как некого предзнаменования, об особой сакральности собаки. Внимание автора к очень мелким и, казалось бы, незначащим деталям, позволяет сделать ему очень интересные выводы, например, птичьи лапы демона летописной миниатюры сопоставляются им с представлениями о куриных следах, оставляемых навьими на пепле, и куриных лапах духов болезней. Отметим справедливость критики положения Л.С.Клейна о связи культа заложных покойников (если речь идет о природных явлениях) исключительно с засухой – не только с ней, как показывает автор.

В «Заключении» в концентрированном виде изложены результаты исследования. Автор показывает и обоснованно доказывает на конкретных материалах отличие прежней политеистической картины мира, характерной для Восточной Европы до появления государственных образований, от новой, формировавшейся в результате распространения монотеистических верований авраамического толка. При этом им выявлены черты, которыми характеризовались языческие сакральные представления о природных явлениях тюркского, финно-

угорского и славянского населения, и того нового в этой сфере, что объединяло население региона в рамках авраамических представлений.

Представленное к защите диссертационное сочинение состоит из двух томов. Второй том представлен в качестве «Приложения», и, надо сказать, его содержание производит странное впечатление. Это почти исключительно тексты, поясняющие и раскрывающие проблематику первого тома диссертационного сочинения.

Сильная сторона диссертации – рассмотрение проблематики на широком фоне – с привлечением обильных материалов по этнографии и фольклору Старого и Нового Света и даже австралио-океанийского региона.

Наряду с безусловными плюсами в диссертационном исследовании Пузанова Даниила Викторовича «Природные явления в сакральной картине мира народов Восточной Европы IX-XIII вв. (По материалам письменных источников)», есть ряд положений, которые вызывают возражения или могут стать поводом для дискуссии.

Автором приводится характеристика этого понятия, как им она определена, «наиболее удачная», «советско-американского» философа Д.Б. Зильбермана, согласно которому организация картин мира происходит при помощи символов, и в границах «эффективных коммуникаций» формируются свои картины мира. Правда, почему-то автором тут же дается свое определение (получается, менее удачное): «Картина мира – это нормативно-знаковая сторона эффективных коммуникаций, система ценностей и правил смыслотворчества, общая для определенного этноса или культурного региона. Это язык культурного обмена между индивидами, субкультурами, этносами и цивилизациями».

Возражение вызывают оба определения – в них речь идет не о картине мира, а о самом мире («система ценностей и правил», «язык культурного обмена»). Понятно, что «картина» в данном словосочетании – метафора, подразумевающая отражение некой реальности, но не есть то, что на ней изображено. И с этой проблемой автору надо было бы разобраться: мир и его отражение в сознании – адекватное и неадекватное, сакральное/идеалистического и реальное/материалистическое. У самого автора в другом определении понимание этого в какой-то степени, будучи выраженным весьма смутно, присутствует: «Сакральная

картина мира – это нормативно-знаковая сторона эффективных коммуникаций, система ценностей и общих правил поведения и смыслотворчества, воспроизводящая веру человека в сверхъестественное».

Несогласие хочется только высказать в отношении использования автором определения «поздний фольклор». В фольклористике есть понятие «позднетрадиционный фольклор» – создававшийся, главным образом, в среде городских низов с началом развития промышленности при распаде феодальных отношений. Между тем, сам автор в своем труде апеллирует к фольклору времен архаики, который тогда нужно называть «раннетрадиционным».

Сожаление вызывает наличие довольно большого количества загадочных по содержанию фраз с неуместной лексикой: «Восточная Европа так и не преодолела своюственную для язычества социализацию природы»; «Главной ирреальностью Генриха Ливонского были местные прибалтийские языческие культуры».

Есть замечания по «техническому» оформлению работы, отчасти высказанных выше в частности, о необходимости выделения в анализируемом сочинении двух томов. И уж совсем неприемлемо использование автором практики аббревиатуры словосочетаний. Это не рационально даже для основных письменных источников: РЛ – Радзивилловская летопись и под., попробуй, удержи в голове 26 названий. Но уж вовсе не годится делать сокращения типа ОнВ – охота на ведьм и мн.др. Как понимать такие тексты: «Все же СВ и СВЯ следует отнести к ОнВ»; «ОнВ приобрела характер СВ:ВК»; «народные обычай вызывать ИСС...» и другие

Однако высказанные замечания не меняют оценки работы в целом.

Положения и выводы диссертации были аprobированы в докладах и выступлениях на научных конференциях и семинарах и статьях, пять из которых опубликованы в научных периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ. Содержание диссертации достаточно полно отражено в автореферате.

Диссертационное исследование Д.В. Пузанова соответствует требованиям «Положения о порядке присуждения учёных степеней» в редакции Постановления Правительства РФ от 21.04.2016 г. № 355, предъявляемым к диссертациям на соискание учёной степени кандидата наук, а автор диссертации Даниил

Викторович Пузанов заслуживает присуждения искомой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 – этнография, этнология и антропология.

Отзыв подготовлен кандидатами исторических наук, доцентами кафедры этнографии и антропологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета Бузиным В.С. и Новожиловым А.Г.

Бузин Владимир Серафимович

Доцент кафедры этнографии и антропологии

Института истории

Санкт-Петербургского государственного университета

Алексей Геннадьевич Новожилов

Доцент кафедры этнографии и антропологии

Института истории

Санкт-Петербургского государственного университета

Почтовый адрес – 7/9, Университетская наб.,

Санкт-Петербург, 199037.

Телефон – (812) 3289447

Адрес электронной почты – ethnodepartmetnt@mail.ru

Отзыв обсужден и единогласно утвержден на заседании кафедры этнографии и антропологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета 29 ноября 2017 г. (протокол № 78.08/18-04-14).

Заведующий кафедрой этнографии и антропологии

Института истории Санкт-Петербургского

государственного университета

Новожилов А.Г.

личную подпись

ЗАВЕРЯЮ

